

7. Slovar' donskih govorov Volgogradskoj oblasti / avt.-sost. R.I. Kudrjashova, E.V. Brysina, V.I. Suprun; pod red. prof. R.I. Kudrjashovoj. 2-e izd., pererab. i dop. Volgograd: Izdate!, 2011.

8. Ushinskij K.D. Chelovek kak predmet vospitanija // Ego zhe. Sobranie sochinenij: v 11 t. M.: Izd-vo APN RSFSR. 1950. T. 8.

9. Holodkova E.K. Konceptija nacional'nogo haraktera v proze V.P. Astaf'eva, V.G. Rasputina i B.P. Ekimova 1990-h – nachala 2000-h gg.: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2009.

~~~~~

Reflection of the situation of «crime and punishment» in the story «Calf» by B.P. Ekimov

The article presents the analysis of the material of the story «Calf» by B.P. Ekimov. The author considers the attitude of adults and children to the violation of moral standards of life and overcoming sin as a path to divine unity.

Key words: *crime, punishment, image of a child, symbolism.*

(Статья поступила в редакцию 16.10.2018)

О.О. ПУТИЛО
(Волгоград)

**ТОПОЛОГИЯ
ВЫМЫШЛЕННОГО ПРОСТРАНСТВА
«БАКЛУЖИНСКОГО ЦИКЛА»**

Рассматривается топология вымышленной Суловской области, ключевого допущения «Баклужинского цикла» волгоградского фантаста Е. Лукина. В процессе исследования географических образов прослеживается тенденция к их неомифологизации, делается вывод о подчинении хронотопа произведений целям сатиры.

~~~~~

Ключевые слова: *пространство, топос, Лукин, мифологизация, Баклужинский цикл.*

Фантастические произведения, входящие в «Баклужинский цикл» волгоградского писателя Е. Лукина, объединяет общее допущение – пространство бывшей Суловской области, одного из регионов Российской Федерации, который обрел независимость в 2017 г.

после распада страны. Еще через 24 года на ее территории возникают отдельные государства: Баклужино, Лыцк, Сулов, Сызново, Гоблино, Понерополь и т. п. Территориально область расположена в Нижнем Поволжье, о чем читатель узнает не только по характерным природным пейзажам – степям и лесополосам, но и по эпизодическим упоминаниям Волги, Астрахани и Царицына, в котором «тамошний мэтр личным распоряжением приостановил в черте города действие закона о сохранении энергии... Нашел, понимаешь, лекарство от энергетического кризиса! Всем мегаполисом в черную дыру загремели – шутка?» [4, с. 31].

Сближение с реальными географическими объектами уже отмечалось критиками, отождествлявшими этот вымышленный мир с «уменьшенной моделью России и своего рода сказочной утопией одновременно» [3]. Действительно, в цикле есть место и для природных объектов, и для рукотворных топосов. Среди первых больше всего внимания уделяется рекам, находящимся в иерархическом подчинении, что подчеркивает структуру самой Суловской области: Ворожейка (на берегу которой стоит Баклужино) впадает в Чумахлинку, а та – в Сула-реку (у которой расположился бывший областной центр – Сулов), приток Волги, главной российской реки. Ключевая река в этой фантастической реальности – Чумахлинка – протекает между извечными соперниками – Лыцком и Баклужино, а потому в первую очередь «осмысливается как граница, разделяющая природное пространство на “свое” и “чужое”. Местность за рекой изображается <...> как мифическая страна или потусторонний мир» [1, с. 417], поэтому лыцкий беженец, домовой Анчутка, так мечтательно наблюдает за «чужим» баклужинским берегом, предстающим в его глазах странной свободой: «Оба берега Чумахлинки располагались примерно на одном уровне, и тем не менее все обозримое пространство, принадлежащее Лыцку, было затоплено, съедено водой, в то время как баклужинская территория лежала сухая и теплая <...> Беженец затосковал и с надеждой поднял глаза на противоположный берег. Там за полосатым шлагбаумом вызывающе безмятежно прогуливались молодые люди в голубеньких рубашечках с короткими рукавами, в разномастных брючках, все без оружия. Улыбчиво жмурясь, они подставляли гладкие физиономии ласковому солнышку и вообще наслаждались жизнью» [4, с. 10–11].

Усиливает ощущение изолированности двух городов-государств и мост, который вместо соединения двух берегов разделяет их: «Мост через Чумахлинку был уставлен бетонными блоками и снабжен шлагбаумами. По эту сторону похаживали рослые парни в широких брезентовых плащах колоколом и в глубоких касках. Ни лиц, ни рук – одни лишь подбородки наружу. И автоматный ствол из-под полы» [4, с. 10]. Впрочем, в русских сказочных традициях мост часто предстает именно в роли преграды, оберегаемой не столько людьми, сколько нечистой: «Змей охраняет этот мост. Перейти через него можно, только убив змея» [9, с. 186]. Однако битва на мосту через Чумахлинку не состоится, потому что мостовой, выполняющий функции мифического змея, давно уже стал жертвой нездоровой атмосферы в Лыцке: «В неглубокой нише одной из опор Анчутка нашел скорчившийся трупик мостового. Рядом с высохшим и словно бы спешившимся тельцем лежал одноразовый шприц с последними каплями святой воды» [4, с. 12].

Преодоление природной преграды «по воде аки посуху» сопрягается для героев с целым рядом трудностей – попыткой водяного утащить нарушителей границы на дно и обстрелом со стороны лыцкой погранзаставы: «Если верить слуху, на мосту творилось нечто невообразимое: беготня, суматоха... Потом, как бы спохватившись, с левого берега забил пулемет. Первая очередь вспорола воздух совсем рядом, и Анчутка, ойкнув, снова зарылся личиком в ряску. Африкан недовольно мотнул головой – и пулемет заклинило. Оплетенный древесными корнями баклужинский берег был уже в десятке шагов от нарушителя» [Там же, с. 20]. Успешный переход на «чужую» сторону открывает квест, непременный атрибут жанра фэнтези: «Мотив вступления в реку означает начало важного дела, подвиг; переправа через реку – завершение подвига, обретение нового статуса, новой жизни...» [10, с. 376]. Поскольку родной Лыцк и для домового, и для протопарторга представляет больше опасности, чем чужое Баклужино, оба они надеются обрести на другом берегу лучшее будущее. Таким образом, инвертирование функций «своего» и «чужого» пространства передает иронию по поводу мнимой безопасности в православно-коммунистическом государстве.

Выступает Чумахлинка и в другой традиционной сказочной роли пути-дороги: «Река, движущаяся, меняющаяся и в то же время неподвижная, как бы остающаяся на месте, – удивительно точный, емкий образ именно пути-

дороги, совмещающий в себе значения и “дороги” (некоторого типа художественного пространства), и “пути” (т. е. движения персонажа в этом пространстве). Река – самодвижущаяся дорога» [8, с. 142]. Именно по Чумахлинке на дюралевой «казанке» передвигаются герои рассказа «Проклятьем заклейменный». Служит она и прибежищем мифических существ: «Река (особенно глубокие места, омуты, водовороты, полыньи) – место обитания водяного, русалки, чертей, шуликунов и других водных духов... Быстрая, глубокая, темная вода считалась наиболее подходящим местом для нечистой силы, туда ее отсылали в заговорах» [1, с. 418]. Однако функция демонического локуса также комически переосмысливается: водяной по прозвищу Хлюпало, пытавшийся остановить Африкана, в прямом и переносном смысле был «забрит» властями Баклужино на пограничную службу.

Гораздо больше внимания в «Баклужинском цикле» уделяется антропологическим топосам, преимущественно урбанистическим, что свидетельствует о влиянии городского фэнтези, где «ради создания эффекта достоверности вводится постоянное перечисление топосов», а «четкая топонимия позволяет читателю сориентироваться в этом другом мире» [11, с. 214]. Детализация вымышленного пространства достигается за счет активного использования микротопонимии, обозначений не крупных природных или антропологических объектов, имеющих в своей семантике локативный компонент значения. В названиях улиц, учреждений, памятников зашифрованы имена ученых, политиков, писателей, аллюзии на реальные географические объекты или другие литературные произведения. С подачи писателя рождается комизм, создающийся «за счет авторской игры с современной читателю культурой» [12, с. 9].

Топонимия каждого города подчеркивает центральную идею, воплощением которой является тот или иной населенный пункт. Так, в Сулове все топонимы связаны с собачьей темой, лейтмотивом повести «Чушь собачья». Городские районы Булгаково и Трополье именованы в честь М.А. Булгакова («Собачье сердце») и Г.Н. Тропольского («Белый Бим Черное ухо»), ветеринарная стоматология «Белый Клык» отсылает к одноименному рассказу Джека Лондона. Гостиница «Рекс», клуб первоначальной натаски «Тузик», кинотеатр «Пират» ассоциируются с популярными собачьими кличками. Сеченовский перелук носит имя известного физиолога И.М. Се-

ченова, экспериментировавшего с собаками. Церковь Флора и Лавра названа в честь святых, покровительствующих животным и ветеринарам. Фирма «Джувльбарс» напоминает о знаменитой собаке минно-розыскной службы, названия остальных предприятий так или иначе обыгрывают иноязычные варианты одного слова: «Канис» (*canis* – лат. «пес»), «Киник» (*κύων* – греч. «собака»), «Редхаунд» (*red-hound* – англ. «рыжий пес»). К истории о Диогене-киннике и Александре Македонском отсылает название местной школы, которая носит имя древнегреческого философа. Погребок «Собачья радость», оформленный весьма «живописно: дубовые столы, стены и своды из тесаного камня, на железных крюках развешаны почтенного возраста арапники, намордники, ржавые цепи – чуть ли не из скифского кургана» [6, с. 235], вызывает устойчивую ассоциативную связь с арт-кафе «Бродячая собака», также располагавшимся в подвале. Многие любителям классической литературы скажут и названия ресторана «Муму» – элитного заведения для собаководовладельцев, салона красоты «Сысой Псоич» или филиала Института Монро.

Микротопонимы Баклужино, в котором правит партия «Колдуны за демократию», ассоциируются с ведовством, знахарством и чародейством. Говорящее имя носит не только река Ворожейка, но и Лысая гора, один из районов, расположенный на одноименном холме. Все исторические личности, в честь которых названы улицы и площади Баклужино, имели то или иное отношение к магии: проспект великого предсказателя Нострадамуса, улица оккультиста и спиритуалиста Елены Блаватской, площадь Жанны Д'Арк, сожженной по обвинению в колдовстве. В городе процветает культ личности главного колдуна, учителя президента Глеба Портнягина, белого мага Ефрема Нехорошева, в честь которого наречены главный проспект и колледж.

Остальные города бывшей Суловской области описаны менее подробно. В Понеполе, название которого напоминает о Филиппе Македонском, поселившем по преданию в одноименном городе около 2 000 преступников, топонимы связаны с именами известных разбойников: Хлопушинский проспект назван в честь Хлопуши, атамана Пугачева, улица Бени Крика – в честь главного героя «Одесских рассказов» И. Бабеля, прототипом которого был знаменитый Мишка Япончик. В Сызново, где у руководства находится бывший врач-психиатр, поставивший на учет

половину города, микротопонимы напоминают медицинские диагнозы, преимущественно психиатрические. Здесь есть больничный комплекс «Эдин» и торговый комплекс «Электра», а перифразом «Желтый Дом» – разговорным обозначением психиатрических клиник – называют здание Правительства Сызновской республики. Упоминаются и проспекты Поприщина, героя повести Гоголя «Записки сумасшедшего», Чаадаева, некогда объявленного сумасшедшим за свои сочинения, и Батюшкова, также страдавшего от сумасшествия, и Малый Передоновский переулок, напоминающий о герое романа Ф. Сологуба «Мелкий бес», учителя-садисте Ардальоне Борисовиче Передонове. Бульвар Вигеля и памятник Петру Ильичу Чайковскому намекают на нетрадиционную ориентацию, к которой в Сызново приписывают даже патриотизм. В православно-коммунистическом Лыцке есть Высотная Келья – резиденция Патриарха Лыцкого, Лыцкий Эрмитаж, Мавзолей Африкана, Агитхрам имени Путяты Крестителя, согласно историческому преданию крестившего киевлян мечом.

Противостояние Баклужино и Лыцка выстраивается на уровне характерных для фэнтези бинарных оппозиций: городское – деревенское, антропологическое – природное, мифологизированное – реальное. Однако эта антитеза двух городов, двух моделей общества подчеркивается не столько топонимией, сколько их географическим положением, которое в традиционном фэнтези всегда имеет значение. «И во “Властелине Колец”, и в сериале о Конане выпирает грубое противопоставление цивилизованного Запада и дико-варварского Востока» [7], поэтому неслучайно демократическое Баклужино находится на западном берегу Чумахлинки, а Лыцк – на восточном. Конечно, прозападный курс Баклужинской республики жестко высмеивается через сатирически переосмысленный миф, будто на Западе улицы моют шампунем: «Тротуары, кажется, были вымыты с мылом. Анчутка принюхался. Нет, все-таки, наверное, со стиральным порошком... Живут же в Баклужине люди!» [4, с. 83]. В изображениях конкретных топосов ощущается их травестийная характеристика, позволяющая проследить ироничное отношение к приобретенному небольшим провинциальным городком столичному статусу: «Посреди площади на низком гранитном цоколе сияла Царь-ступа. Отбитый кусок был аккуратно прислонен к чугунному тулову» [Там же, с. 54].

Вымышленные образы нередко основываются на реальных прототипах: удивление у Анчутки вызывает подземная линия трамвая, которая «имелась только в Лыцке (на метро у Партиархии не хватило средств). Станции, правда, были самые настоящие, облицованные мрамором, с электронными табло, со скульптурами в нишах и даже с коротенькими эскалаторами в одиннадцать ступенек. Лыцк, как известно, стоял на семи холмах, и поэтому идущий по кольцевому маршруту трамвай то выскакивал на поверхность, то снова нырял под землю...» [4, с. 82–83]. В этом описании легко угадывается волгоградский метрограм, редчайший вид транспорта, суррогат метрополитена. Совмещая вымысел и реальность, Лукин комически обыгрывает действительный факт советской истории, воплощенный в городской жизни православно-социалистического Лыцка.

Тот факт, что «в Баклужине тоже недавно пустили подземный трамвай, поскольку обе столицы ни в чем не собирались уступать друг другу» [Там же, с. 83], подчеркивает тесную взаимосвязь двух государств: «православно-коммунистический Лыцк ничем не хуже и не лучше прозападного демократического Баклужина, более того – они просто не могут существовать друг без друга» [2]. На самом деле в Баклужино свободы не больше, чем в Лыцке. Например, главные герои рассказа «По ту сторону», которые не могут заново вступить в брак по причинам астрологической несовместимости, бегут из Баклужино в Лыцк: «Мы – политэмигранты. Мы – жертвы режима. Нас насильно разлучить хотели... по Зодику их бесовскому... Подумаешь, развели! Это тут развели... А в Лыцке православные коммунисты у власти. Там и слова-то нет такого “развод”... Короче, завтра с утра – в консульство» [5, с. 264–265]. Но в Лыцке от них сразу же требуют предъявить исповедальную карту: «У нас с этим строго. Мой вам совет: как зарегистрируетесь – прямиком на исповедь... Вы ж из Баклужино... Грехов, чай, поднакопилось...» [Там же, с. 267].

Включая в пространство цикла географические образы, имеющие устойчивую фольклорную традицию, и новые локусы, в основе которых лежит традиция литературная, автор прибегает к неомифологизации, целью которой является сатирическое переосмысление знакомых читателю реалий, что свойственно жанрам юмористической фантастики и юмористического фэнтези, часто обращающихся «к характерным для постмодернизма при-

мам, например, к пастишу и игре с цитатами и аллюзиями» [12, с. 13]. Процесс переосмысления, инвертирования традиционных для объектов пространства функций служит для усиления комической составляющей произведений, подчеркивая элементы карнавализации, которые «видны в стремлении этих текстов к реконструкции и деконструкции мифа» [Там же, с. 11].

Создавая топосы несуществующей Суловской области, писатель решает ряд характерных для фантастических произведений задач. В первую очередь это требование достоверного изображения вымышленных объектов, явлений и событий [7], которое реализуется не только через перечисление придуманных топонимов, но и через многочисленные отсылки к реальным географическим объектам Волгограда. Многоэтажная гостиница и мост в Сулове напоминают читателю об аналогичных волгоградских долгостроях, заключенная в трубы речка Божемойка, приток Ворожейки, – речку Царицу и т. д. Однако эти аллюзии не только добавляют материальности вымышленной Суловской области, но и служат основой для создания гротеска, высмеивая, например, действия американцев, чей авианосец «Тарава» в попытке покарать мятежный Лыцк входит в Щучий проран, один из узких протоков Волги вблизи Волгограда, размер и глубина которого не пригодны для такого рода кораблей.

Сосредоточившись на ряде вымышленных топосов в границах отдельной области, включая эти территории в пространство реальной действительности, автор не стремится разрабатывать фантастический мир целиком. Лукин моделирует свой мир, «дополняя повседневную реальность одной фантастической деталью или, во всяком случае, малым числом компонент фантастичности» [7], подчиняя хронотоп своих произведений целям сатиры. Правдоподобие топосов, их включение в мир реальной действительности свидетельствуют о том, что поднятые автором вопросы актуальны и для нашего времени, неслучайно писатели, «изображая “будущее”, всегда говорят о своем “настоящем” и о том, что они считают “вечным” в этом “настоящем”» [8, с. 113].

Список литературы

1. Виноградова Л.Н. Река // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2009. Т. 4. С. 416–419.
2. Гончаров В. Зона честности: Размышления о творчестве Евгения Лукина [Электронный

ресурс] // Реальность фантастики. 2005. № 04(20). URL: <http://www.rf.com.ua/article/562.html> (дата обращения: 07.07.2018).

3. Кайманов С. Однажды в Баклузино. Рец. на кн.: Лукин Е. Портрет кудесника в юности. Взгляд со второй полки. М.: АСТ, 2004 [Электронный ресурс]. URL: http://old.krupaspb.ru/piterbook/fanclub/fantkritik_rec.html#16 (дата обращения: 07.07.2018).

4. Лукин Е. Алая аура протопарторга. М.: Вече, 2018.

5. Лукин Е. По ту сторону // Его же. Бытие наше дырчатое. М.: Астрель: Полиграфиздат, 2012. С. 255–267.

6. Лукин Е. Чуть собачья // Его же. Алая аура протопарторга. М.: АСТ, АСТ Москва, Хранитель, 2007. С. 227–332.

7. Мзареулов К. Фантастика. Общий курс [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/mzar/index.php (дата обращения: 07.07.2018).

8. Неелов Е.М. Волшебно-сказочные корни научной фантастики. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.

9. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000.

10. Токарев С.А. Река // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. М.: Сов. энцикл., 1992. Т. 2. С. 374–376.

11. Хоруженко Т.И. Русское фэнтези на границе с детективом: трансформации жанра // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 1. С. 209–216.

12. Хоруженко Т.И. Русское фэнтези: на пути к метажанру: автореф. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015.

* _ * *

1. Vinogradova L.N. Reka // Slavjanskije drevnosti: jetnolingvisticheski slovar': v 5 t. / pod red. N.I. Tolstogo. M.: Mezhdunar. otnoshenija, 2009. T. 4. S. 416–419.

2. Goncharov V. Zona chestnosti: Razmyshlenija o tvorcestve Evgenija Lukina [Jelektronnyj resurs] // Real'nost' fantastiki. 2005. № 04(20). URL: <http://www.rf.com.ua/article/562.html> (дата обращения: 07.07.2018).

3. Kajmanov S. Odnazhdy v Bakluzhino. Rec. na kn.: Lukin E. Portret kudesnika v junosti. Vzglyad so

vtoroj polki. M.: AST, 2004 [Jelektronnyj resurs]. URL: http://old.krupaspb.ru/piterbook/fanclub/fantkritik_rec.html#16 (дата обращения: 07.07.2018).

4. Lukin E. Alaja aura protopartorga. M.: Veche, 2018.

5. Lukin E. Po tu storonu // Ego zhe. Bytie nashe dyrchatoe. M.: Astrel': Poligrafizdat, 2012. S. 255–267.

6. Lukin E. Chush' sobach'ja // Ego zhe. Alaja aura protopartorga. M.: AST, AST Moskva, Hranitel', 2007. S. 227–332.

7. Mzareulov K. Fantastika. Obshhij kurs [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/mzar/index.php (дата обращения: 07.07.2018).

8. Neelov E.M. Volshebno-skazochnye korni nauchnoj fantastiki. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1986.

9. Propp V.Ja. Istoricheskie korni volshebnoj skazki. M.: Labirint, 2000.

10. Tokarev S.A. Reka // Mify narodov mira: jenciklopedija: v 2 t. M.: Sov. jencikl., 1992. T. 2. S. 374–376.

11. Horuzhenko T.I. Russkoe fjentezi na granice s detektivom: transformacii zhanra // Vestn. Nizhegor. un-ta im. N.I. Lobachevskogo. 2018. № 1. S. 209–216.

12. Horuzhenko T.I. Russkoe fjentezi: na puti k metazhanru: avtoref. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2015.

The topology of the fictional space in «Bakluzhinsky cycle» by E. Lukin.

The article explores the topology of the fictional Suslovsky region, the key assumption of the “Bakluzhinsky Cycle” by E. Lukin, a science fiction writer from Volgograd. In the process of studying geographic images, the author traces a tendency towards their neomythologization. It is concluded that the chronotope of a literary work is subordinated to the goals of satire.

Key words: *space, literary topos, Lukin, mythologization, Bakluzhinsky Cycle.*

(Статья поступила в редакцию 23.10.2018)